

В. П. Власов

О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры

В конце XIX– начале XX веков при раскопках в горном и предгорном Крыму археологами был получен новый материал. Грубая лепная посуда, каменный и кремневый инвентарь, а также изделия из кости уже встречались при исследованиях крымских памятников эпохи камня — бронзы, но лепная лощеная керамика, украшенная врезным орнаментом, иногда с белой инкрустацией, прежде была не известна. Совместное залегание разнородных материалов дало основание Г. А. Бонч-Осмоловскому объединить все обнаруженные к тому времени памятники подобного типа в одну культурно-хронологическую группу [1, с. 95]. По месту первых находок в урочище Кизил-Коба она получила название «кизил-кобинская культура». Г. А. Бонч-Осмоловский отнес выделенную культуру к эпохе поздней бронзы и, предположительно, связал ее с таврами [2, с. 93]¹.

Наличие среди материалов ряда кизил-кобинских памятников находок позднерубного облика служит основанием для отнесения времени возникновения кизил-кобинской культуры к эпохе бронзы. Для части памятников характерны вещи, бытовавшие только в эпоху раннего железа. Данные обстоятельства позволяют исследователям выделять два качественно различных этапа в развитии кизил-кобинской культуры и предлагать варианты ее периодизации [3; 4, с. 8–9; 5; 6, с. 11; 7, с. 113–132, 191–194; 8, с. 59; 9, с. 69]. При важности дискуссионного вопроса о периодизации, остается актуальной и проблема определения хронологических рамок культуры тавров, также решаемая учеными неоднозначно.

Впервые периодизация кизил-кобинской (раннетаврской) культуры была предложена П. Н. Шульцем. Ее начальный этап датировался по характеру кремневых изделий и керамики из стоянки Альма I (X–IX вв. до н. э.) [3, с. 243], а конечный — по присутствию таврской керамики в нижних горизонтах Мангуп-Кале, сходству антропологического материала из некоторых раннесредневековых погребений Крыма и из таврских каменных ящиков — определялся V–VIII вв. до н. э. [3, с. 257]. Однако в настоящее время стоянка Альма I обоснованно отчленяется от памятников кизил-кобинской культуры [1, с. 95; 6, с. 10].

С. Ф. Стржелецкий датировал существование раннетаврской культуры приблизительно X–V вв. до н. э. на основании уменьшения количества каменных и кремневых орудий по сравнению с периодом развитой бронзы, появления литейного дела, прогрессивных изменений в технике изготовления лепной посуды

¹ Автор разделяет мнение историков, считающих кизил-кобинскую и таврскую культуры тождественными.

и наличия прядения и ткачества [4, с. 8]. Поздний этап характеризуется окончательным вытеснением кремневых орудий железными [4, с. 13-14].

Х. И. Крис первоначально датировала кизил-кобинскую (не таврскую) культуру VIII–IV вв. до н. э. [5, с. 71], но позднее определила ее хронологические рамки с рубежа IX–VIII по V вв. до н. э. [6, с. 51]. Нижняя граница определялась костяными наконечниками стрел из поселения Уч-Баш, а также керамикой и ее орнаментом, сходными с позднесрубными [6, с. 11]. Верхняя характеризовалась исчезновением кремневых и костяных орудий, господством врезной орнаментации на сосудах и появлением оружия и посуды скифских типов [6, с. 11, 12, 52]. Культура тавров, по мнению Х. И. Крис, представлена могильниками с каменными ящиками в горном Крыму. Предметы вооружения, конского снаряжения и украшения ограничивают ее существование VII–первой половиной V вв. до н. э. [6, с. 51, 53, 55].

А. М. Лесков считает, что кизил-кобинская культура как ранний этап таврской бытовала в IX–I вв. до н. э. [7, с. 191-194]. Датируя упомянутые наконечники, а также фрагмент костяного псаля из Уч-Баша VIII–первой половиной VII вв. до н. э., автор, учитывая присутствие черт материальной культуры эпохи бронзы, относит начало истории тавров к более раннему времени [7, с. 116-118]. Финальная дата кизил-кобинской культуры вызывает сомнения, поскольку сам А. М. Лесков отмечает, что для последнего периода (IV–I вв. до н. э.) известна лишь малая группа материалов, главным образом IV–III вв. до н. э. [7, с. 127-132].

А. А. Щепинский полагает, что кизил-кобинская культура возникла в конце IX–VIII, а исчезла в III–II вв. до н. э. [8, с. 59]. Самостоятельная культура тавров, по его мнению, развивалась с X–IX по III вв. до н. э., а возможно, и до раннего средневековья (V в. н. э.) [8, с. 80-81]. К сожалению, автор не представил убедительных обоснований датировок ни для одной из культур.

В. А. Колотухин, на основании разнообразного археологического материала, полученного в ходе многолетних раскопок [10-13], определяет хронологические рамки кизил-кобинской культуры VIII–первой половиной V вв. до н. э. [9, с. 68-69, 84].

Как видно из краткого историографического обзора, среди историков нет единства мнений в определении хронологических рамок кизил-кобинской культуры. Во многом это объясняется состоянием источников. Возможно, некоторые материалы из раскопок недавнего времени, в дополнение к уже известным, позволят более четко определить рамки бытования кизил-кобинской (таврской) культуры, фиксируемой археологически. Эту цель и преследует предлагаемая работа.

Наиболее ранними датируемыми находками из кизил-кобинских памятников являются костяные и один бронзовый наконечники стрел, а также фрагменты костяных (роговых) псаляев.

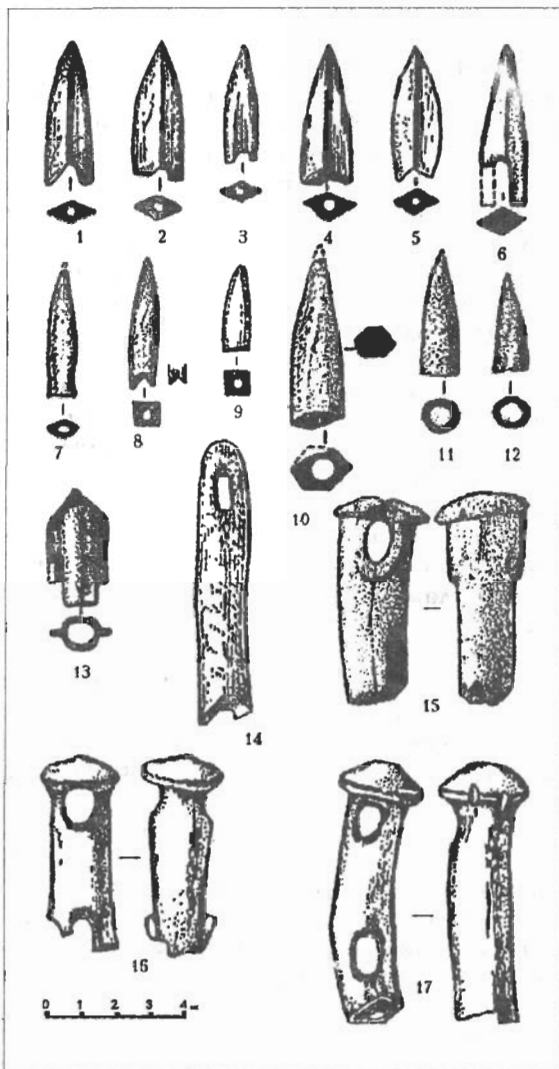
Среди костяных наконечников стрел выделено *пять типов*.

Тип. 1. Листовидной формы, ромбические в сечении, с выемкой в основании и скрытой втулкой. Три таких наконечника обнаружены на Уч-Баше (рис., 1-3) [6, табл. 8: 1-3] и два в Кизил-Кобе (рис., 4, 5) [1, рис. 9: 3, 4]. По происхождению такие наконечники связаны со срубной и андроновской культурами [14, с. 10]. На территории Украины близкие к ромбу в сечении черешковые наконечники стрел появляются (и очень редки) на сабатиновском этапе бронзового века [15, с. 100, рис. 29: 17]. На белозерском этапе такие наконечники имеют скрытую втулку и тоже немногочисленны [15, с. 142, рис. 43: 10]. Наиболее широко наконечники этого типа представлены на позднечернолесских городищах [16, с. 134, рис. 53: 1-9; 37: 6], на сахарна-солонченских поселениях в Молдавии [17, с. 67, рис. 5: 1, 2], в погребениях из Малой Цимбалки и Высокой Могилы черногоровской ступени предскифского периода [16, с. 134, рис. 24: 11; 7: 25-36]. В раннескифское время и на новочеркасской ступени они отсутствуют [14, с. 10; 16, с. 134, 201, 208].

Как вариант типа 1 можно рассматривать фрагментированный наконечник из Кизил-Кобы. При сходных форме и сечении, в его основании сделана глубокая выемка (рис., 1, 6) [1, рис. 9: 5]. Фрагмент с такой же выемкой (правда, иной формы и профилировки) встречен на одном из крымских поселений эпохи бронзы [1, с. 105, рис. 5: 30].

Тип 2. Листовидной формы, овально-ромбический в сечении, с прямым основанием и скрытой втулкой. Единственный экземпляр происходит из поселения Дружное (рис., 7) [10, с. 113, рис. 7: 4]. Наконечники данного типа появляются, по-видимому, на белозерском этапе поздней бронзы [15, рис. 43: 8] и, судя по фрагменту из Малой Цимбалки [16, с. 134, рис. 24: 10], в незначительном количестве бытуют в предскифское время.

Тип 3. Пирамидальной формы, квадратные в сечении, со скрытой втулкой. Экземпляры с прямым основанием известны в Кизил-Кобе [7, с. 103-104, рис. 7: 7] и на Уч-Баше (рис., 9) [6, табл. 8, 4], а с выемкой в основании — на Уч-Баше (рис., 8) [6, табл. 8, 5]. По мнению А. И. Мелюковой, такие наконечники известны в погребениях эпохи бронзы, но они более редки, чем ромбовидные в сечении. Древнейшая находка пирамидального наконечника происходит из курганного погребения II тысячелетия до н. э. в Ставропольском крае. Найдены они и в погребениях II-I тысячелетий до н. э. могильников Дагестана [14, с. 10]. Один наконечник описываемого типа известен и на Кировском поселении эпохи бронзы в Крыму. Обнаружен он в переходном от саба-

Наконечники стрел и фрагменты псалиев из памятников кизил-кобинской культуры в Крыму:

Уч-Баш (1-3, 8, 9, 14), Кизил-Коба (4-6, 16, 17), Дружное (7, 10-12, 15), могильник Дружное I (13);

1-12, 14-17 — кость, 13 — бронза

тинового к белозерскому слою и, как отмечает А. М. Лесков, даже если его отнести к верхнему белозерскому слою, то он, наряду с аналогичным наконечником из Дагестана, является одним из древнейших наконечников такого типа в Восточной Европе [18, с. 46-47, рис. 29: 1]. Наиболее массово, после типа 1, пирамидальные наконечники представлены в поздней чернолесской культуре [16, с. 134, рис. 43: 6; 53: 11], на памятниках типа Сахарна-Солончены [17, с. 67, рис. 5: 3], в комплексах из Малой Цимбалки и Симферопольского кургана [14, с. 10, табл. 1, В, 9; Б, 31]. Один наконечник найден в кургане у с. Зольное [16, с. 135, рис. 17: 13]. Подобные наконечники, но более

стройных пропорций, использовались скифами с архаического времени до IV-III вв. до н. э. [14, с. 10, 19, 23, 30, табл. 6, 17].

Тип 4. Листовидной формы, шестигранный в сечении, с прямым основанием и скрытой втулкой. Представлен одной находкой на поселении Дружное (рис., 10) [10, с. 113, рис. 7: 5]. Данный тип наконечников достаточно редок. Наиболее близки к нему карандашевидные наконечники из памятников сабастиновской культуры в Украине [15, с. 142, рис. 29: 11].

Тип 5. Пулевидной формы, круглые в сечении, с прямым основанием и скрытой втулкой. Два таких наконечника обнаружены на поселении Дружное (рис., 11: 12) [10, с. 113, рис. 7: 2, 3]. Пулевидные наконечники появляются в Северном Причерноморье на сабастиновском этапе эпохи бронзы [14, с. 10; 15, с. 100, рис. 29: 19, 20]. В памятниках черногооровской ступени они еще более редки, чем наконечники типа 3 и известны в Малой Цимбалке, Высокой Могиле и в Симферопольском кургане [16, с. 134, рис. 7: 37, 38; 14, табл. 1, В, 10, 11; Б, 28-30]. На новочеркасской ступени, судя по соотношению в колчанном наборе Зольного кургана [16, с. 134-135, рис. 17: 14], наконечники типа 5 среди костяных являлись преобладающими. Использовались они и в скифское время, вплоть до конца IV в. до н. э. [14, с. 10, 19, 23, 25, 29, табл. 6, 15, 16; 9, Р, 2, 3].

Рассмотренные типы костяных наконечников из кизил-кобинских поселений появляются в эпоху бронзы. Однако в подавляющем большинстве наконечники этого времени, даже наиболее поздние, имели треугольное сечение и были черешковыми, реже — втульчатыми [18, рис. 29: 2, 3, 5-11; 15, рис. 29: 13, 16, 18, 21-23]. В последующее время они исчезают, нет их и на таврских памятниках. Для последних характерны те же типы наконечников, что и для колчаных наборов предскифского периода. Наиболее близки к костяным наконечникам стрел черногооровской ступени наконечники кобяковской культуры. Однако при типологическом сходстве между ними имеются морфологические различия. Кроме того, среди кобяковских наконечников присутствуют и черешковые, позднее выходящие из военного обихода [16, с. 136]. Отмеченные обстоятельства позволяют говорить о одновременности наиболее поздних белозерских, а также раннечернолесских наборов костяных наконечников стрел и самых архаичных — кизил-кобинских. На этом основании к числу древнейших памятников кизил-кобинской культуры относятся поселения Уч-Баш и Кизил-Коба, где обнаружены наконечники типа 1, наиболее характерные для черногооровской ступени (900-750 гг. до н. э.) и не встречающиеся на новочеркасской (750-650 гг. до н. э.) [16, с. 134, 201-202, 208]. Данный вывод справедлив и по отношению к бронзовым двухлопастным наконечникам стрел килевидной формы [14, с. 10; 16, с. 134, 201-202]. Единственная такая находка в кизил-кобинском могильнике Дружное I (рис., 13) ставит его в один хронологический ряд с упомянутыми выше поселениями [11, с. 37, рис. 22: 2].

Таким образом, новые находки наконечников стрел в целом датируются тем же временем, что и известные ранее наконечники из Уч-Баша — VIII-VII вв. до н. э. [14, с. 10; 7, с. 16; 17, с. 67; 6, с. 16]. Однако костяные наконечники типа 1 и бронзовый килевидный, бытующие на черногооровской ступени и не встречающиеся на новочеркасской, позволяют определить время возникновения кизил-кобинской культуры первой половиной VIII в. до н. э.

Найденные на кизил-кобинских поселениях фрагменты костяных или роговых псалиев относятся к одному типу стержневых псалиев с тремя овальными отверстиями равной величины, расположенными в одной плоскости. Фрагмент из Уч-Баша прямой, без утолщений в месте отверстий (рис., 14) [6, с. 16; 7, с. 104, 116, рис. 2: 9]. Фрагмент из Дружного слегка изогнут, место отверстия имеет муфтообразный выступ, на конце — шляпка (рис., 15) [10, с. 113, рис. 7: 1]. Один из фрагментов псалиев из Кизил-Кобы слегка изогнут, без утолщений в месте отверстий, со шляпкой

на конце (рис., 17). Другой — прямой, в месте среднего отверстия — муфтообразный выступ, а в месте крайнего — утолщение, на конце расположена шляпка (рис., 16) [1, с. 110, рис. 9: 1, 2].

Костяные псалии с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости, появляются на белозерском этапе бронзового века. Они имели большое центральное и малые крайние отверстия [15, с. 142, рис. 43: 14-16]. Начиная с белозерского этапа: эволюция костяных псалиев шла по линии выравнивания размеров отверстий [15, с. 142] и в предскифское время для псалиев Евразии типично наличие трех одинаковых по размеру отверстий, лежащих в одной плоскости [19, с. 66]. Хронологическим индикатором поздней черногоровской ступени является и овальная форма отверстий псалиев [16, с. 157].

Все известные на сегодня фрагменты костяных псалиев из кизил-кобинских памятников, кроме обломка псалия скифского типа, датирующегося VII-VI вв. до н. э. из Симферопольского поселения [20, с. 113, 117, рис. 33: 3], относятся к различным вариантам одного типа псалиев, бытовавших в предскифское время [16, с. 150-151].

Фрагмент псалия из Уч-Баша обнаруживает наибольшее сходство с псалиями сахарна-солонченских поселений у сел Царевка и Цахнауцы в Молдавии [17, рис. 5: 9-11; 6] и Субботовского городища поздней чернолесской культуры [16, рис. 55: 3]. По основному времени существования указанных поселений — VIII (или вторая половина VIII) — первая половина VII вв. до н. э. [17, с. 66-67] — датируется и псалий из Уч-Баша [7, с. 116; 16, с. 187]. Фрагмент псалия из Дружного датируется В. А. Колотухиным серединой VIII — первой половиной VII вв. до н. э. [10, с. 117]. Вместе с фрагментами из Кизил-Кобы он также имеет аналогии на поселении у села Цахнауцы и Субботовском городище [16, с. 155, рис. 54: 4].

Стержни псалиев были прямыми или изогнутыми, без утолщений, с утолщениями, а также с муфтообразными выступами в месте отверстий. Иногда, в подражание бронзовым, костяные псалии имели шляпки на коротких концах. Как отмечалось, такие псалии наиболее характерны для предскифского периода и встречены в степных курганных захоронениях, на поселениях второй ступени чернолесской культуры, на памятниках типа Сахарна-Солончены, в протомеотской и кобанской культурах [16, с. 155].

Итак, анализ двух категорий наиболее ранних датирующих находок из таврских памятников показывает, что кизил-кобинская культура возникает не ранее VIII в. до н. э. В целом такая датировка признается многими исследователями, но находки горшков определенных типов, в том числе с валиковой орнаментацией, обломков сковород и кубков с высокой цилиндрической шейкой, а также кремневых орудий позволяют археологам отодвигать нижнюю дату кизил-кобинской культуры к рубежу IX-VIII вв. до н. э., к IX в. до н. э. и к более раннему времени [7, с. 116-118; 6, с. 11, 51].

Раскопки таврского поселения Шпиль, датируемого фрагментами позднихиосских, фасосских биконических, херсонесских и клейменных гераклеиских амфор IV в. до н. э., показывают, что кремневые орудия, некоторые сосуды, имевшие и валиковый орнамент, сохранились в кизил-кобинской культуре и в поздний период [21, с. 191-192]. Их присутствие среди находок не может являться достаточным показателем древности памятника.

Фрагменты сковород с низкими бортиками представлены лишь отдельными находками на ранних таврских поселениях [1, с. 108]. Обычные для позднесрубной и чернолесской культур [7, с. 117], они составляют значительную часть среди кухонной посуды [1, с. 107] и зачастую украшены косыми насечками по верхнему краю [18, с. 26, рис. 18: 4]. Единственный фрагмент с такой орнаментацией стенок известен на атрибутированном как кизил-кобинское поселение на улице Мате Залки в Симферополе [22, с. 203, рис. 2: 13], однако не исключена его принадлежность к эпохе бронзы [1, с. 96, рис. 1: 3-6]. Кроме того, как отмечает Х. И. Крис, у кизил-

кобинцев так называемые сковороды могли использоваться как столовая посуда, в качестве тарелок, поскольку их стенки сглажены или залощены [6, с. 28].

Показателем архаичности кизил-кобинской культуры, сближающей ее с эпохой бронзы, служат находки так называемых цилиндршейных кубков. Это типично белозерская категория керамики, совершенно не характерная для позднего этапа таврской культуры [1, с. 95]. Цилиндршейные кубки известны на Уч-Баше, Ашлама-Дере и в Кизил-Кобе [6, табл. 30, 3, 4, 7, 14, 16, 17]. Однако здесь важно то, что во всех случаях кубки такого типа происходят не из закрытых комплексов [1, с. 107-108], что не исключает их асинхронности кизил-кобинскому материалу.

Суммируя сказанное, полагаем, что нет достаточных оснований для отнесения начального этапа таврской истории к более раннему времени чем VIII в. до н. э. Его определяют наиболее ранние датирующие находки, бытующие в первой половине VIII в. до н. э. Косвенно это подтверждают и отличия керамических комплексов позднерубной и кизил-кобинской культур, имеющих сходные формы. Признавая условность предложенной даты возникновения кизил-кобинской культуры, нужно отметить, что несмотря на очевидную преемственность, наиболее поздние белозерские и самые ранние кизил-кобинские памятники имеют некоторый хронологический разрыв. В. А. Колотухин предполагает существование в этот временной промежуток памятников переходного типа, которые пока не выявлены [1, с. 108].

По мнению исследователей, делящих кизил-кобинскую культуру на два этапа, второй этап начинается в VII [4, с. 8] или середины VII в. до н. э. [6, с. 11, 31, 52; 9, с. 69]. С этого времени у тавров получают распространение оружие и конская сбруя скифского типа, а также, как полагают некоторые ученые, врезной геометрический орнамент. Его появление тоже связывается с приходом скифов в Крым [1, с. 110; 6, с. 11]. Однако крайне редкий врезной орнамент зафиксирован на керамике степных скифов только в IV в. до н. э. [23, с. 49, 55, прил. 3, рис. 11: 2; 14, 17], нет его и в наиболее ранних скифских погребениях Крыма [24, с. 34]. При этом факт украшения посуды врезными линиями (причем, мотивы сходны и даже тождественны кизил-кобинским, засвидетельствован материалами крымских поселений эпохи бронзы [18, с. 16, 21, 25, рис. 9: 10, 14; 17, 1; 19, 4; 1, рис. 4: 1, 8; 10, с. 106-107, рис. 3: 10, 11, 13, с. 110, 117, рис. 6: 2, 3, 7; 7, 31, 33]). Фрагменты и целые сосуды с врезным орнаментом известны на всех таврских памятниках, включая ранние [6, табл. 5; 23, 3; 27, 3; 25, с. 35].

Учитывая генетическую преемственность кизил-кобинской культуры от позднерубной [1, с. 108], логичнее предположить, что тавры унаследовали принцип орнаментации керамики врезными линиями от населения эпохи бронзы, а не переняли его от скифов. Скорее скифы, проникавшие в Крым, в процессе метисации с таврами усваивали некоторые особенности их культуры. Это нашло отражение в находках лощеных, орнаментированных врезными линиями сосудов в погребениях, сочетающих скифские и таврские черты поминально-погребальной обрядности [24, с. 34-35]. Со скифами, возможно, связано усложнение и многообразие кизил-кобинских орнаментальных мотивов, находящихся прямые параллели в лесостепной части Северного Причерноморья и на Северном Кавказе. Подтверждением наличия контактов между земледельцами Крыма и Нижнего Побужья может быть находка на о. Березань в комплексе второй половины VI в. до н. э. фрагмента лощеного кубка с врезным орнаментом. Примеси в его глине не встречаются в ольвийской или березанской керамике, а форма и орнамент ближе всего к кизил-кобинским кубкам второго этапа. К. К. Марченко предполагает возможность переноса данного кубка на о. Березань кочевниками [26, с. 59, 90, 120].

Определяя верхнюю границу кизил-кобинской культуры, нужно отметить, что в письменных источниках тавры фигурируют вплоть до раннего средневековья. Однако в археологическом отношении известны лишь некоторые памятники, мате-

риал которых относится ко времени не позднее IV–III вв. до н. э. На поселении Шпиль он представлен набором амфор IV в. до н. э. [21, с. 192–192], на поселении Дружное III — фрагментами амфор и самосского кувшина второй половины IV–первой половины III вв. до н. э. [12, с. 17–18], на поселении Айвазовское — целой гераклейской амфорой с энглифическим клеймом, а также обломками античной керамики и бронзовыми боспорскими монетами IV в. до н. э. [7, с. 46]. Некоторые предметы из инвентаря могильника Дружное II бытуют до III в. до н. э. [12, с. 17], из могильников Уркуста I и II происходят фрагменты клейменых гераклейских амфор IV в. до н. э. и обломки античной керамики IV–III вв. до н. э. [7, с. 81, 131, рис. 32: 30–33], а из могильника Джапалах — амфорные фрагменты и бронзовый наконечник стрелы IV–III вв. до н. э. [7, с. 85].

Хотя самые поздние кизил-кобинские памятники датируются IV–III вв. до н. э., наиболее вероятной финальной датой таврской культуры следует считать IV в. до н. э. Именно на это время указывают монеты и клейменные амфоры из перечисленных поселений и могильников. Примечательно также, что на поселении Шпиль фрагментов амфор найдено намного больше, чем на всех других кизил-кобинских памятниках вместе взятых. При этом существование каждого из типов амфор не выходило за рамки IV в. до н. э. Косвенно о каких-то трансформациях в таврской среде в это время сообщает тот факт, что кизил-кобинская керамика в Керкинитиде, появляющаяся в V в. до н. э., в слоях позднее середины — третьей четверти IV в. до н. э. не встречается [28, с. 35]. К IV в. до н. э. часть тавров была ассимилирована скифами, а те, которые влились в состав жителей античных городов — греками [27, с. 101–104, 134–144; 28, с. 35; 13, с. 17]. Дальнейшая история тавров продолжилась уже в рамках позднескифской культуры в Крыму, о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические данные.

На основании современного состояния археологических источников, полагаем, что хронологические рамки кизил-кобинской культуры охватывают период с первой половины VIII по IV вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колотухин В. А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // СА.— 1990.— № 3.
2. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма // Крым.— 1926.— № 2.
3. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М., 1959.
4. Стржелецкий С. Ф. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1954.
5. Крис Х. И. О периодизации кизил-кобинской культуры // СА.— 1961.— № 4.
6. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры.— М., 1981.
7. Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965.
8. Щепинский А. А. Красные пещеры.— Симферополь, 1987.
9. Колотухин В. О. Кизил-кобинский посуд VIII–першої половини V ст. до н. е. // Археологія.— 1990.— № 2.
10. Колотухин В. А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА.— 1982.— № 1.
11. Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // СА.— 1985.— № 2.
12. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII–V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев, 1987.

13. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в конце II—первой половине I тысячелетия до нашей эры: Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1988.
14. Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М., 1964.
15. Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины.— Киев, 1986.
16. Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев, 1976.
17. Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА.— 1972.— № 1.
18. Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма.— Киев, 1970.
19. Смирнов К. Ф. Археологические данные о всадниках поволжско-уральских степей // СА.— 1961.— № 1.
20. Дашевская О. Д. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры // КСИИМК.— 1951.— Вып. XXXIX.
21. Храпунов И. Н., Власов В. П. Новое кизил-кобинское поселение в горном Крыму // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.— Тирасполь, 1994.
22. Махнева С. А., Пуздровский А. Е. О двух поселениях кизил-кобинской культуры в Симферополе // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев, 1987.
23. Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов.— Киев, 1989.
24. Ольховський В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія.— 1990.— № 1.
25. Щепинський А. О. Населення південного берега Криму в епоху раннього заліза // Археологія.— 1977.— Вип. 21.
26. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики).— Л., 1988.
27. Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму.— Киев, 1988.
28. Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев, 1987.

Summary

The problem of the chronology of Kizil-Koba culture in Crimea is considered in this article. Researchers are not unanimous in defining the period of its existence: within time-limits of Bronze Age to early Middle Ages. Basing on the earliest dating material recently obtained (arrow-heads and fragments of bone cheek-pieces) one should date the rise of Taurian culture back to the first half of the 8th century B. C.

The origin of incised decoration among Kizil-Kobians is also touched in this work. The author does not share the opinion that its beginning in the 7th century B. C. is connected with Scythians' coming to Crimea; the author thinks that Taurians inherited the principles of the ornamentation of dishes with incised decoration from the population of the epoch of Bronze and used it from the initial stage of their existence.

The final date of Kizil-Koba culture is dated back to the 4th century B. C. with the help of stamped amphoras. By the above mentioned period a part of Taurians was assimilated by Scythians and Greeks and their further history, according to the written and archaeological data, continued with Late-Scythian culture.